

ЛЮДИ И ВЕЩИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редакция журнала Stratum plus выражает особую благодарность за помощь в подборе и подготовке материалов номера С. В. Белецкому, М. М. Казанскому, Е. Р. Михайловой, А. А. Песковой, С. С. Рябцевой, О. В. Шарову

Ad memoriam Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Варяго-русский вопрос: продолжение дискуссии

Место гибели князя Святослава: гипотезы и мистификации

Русь и византийские контакты Скандинавии

Контакты между западными балтами и славянами в VI—VII вв.

О дате поясного набора из Кузебаевского клада

Новые данные о происхождении Ладожского поселения

О правовом статусе древнерусских геральдических подвесок

Хронология погребальных памятников Карельского перешейка

Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

E-ISSN: 1857-3533

Category B

Stratum plus. Nr. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

People and Things in Ancient Rus'

Ad memoriam Yu. M. Lesman
Scandinavian Element in the Old Russian Culture
Varangian-Russian Issue: Discussion Continued
Knyaz Sviatoslav's Place of Death: Hypotheses and Mystifications
Rus' and Byzantine Contacts of Scandinavia
Contacts between Western Balts and Slavs in 6th — 7th Centuries
Dating the Belt Set from Kuzebaevo Hoard
New Data on the Origin of Ladoga Settlement
On the Legal Status of the Old Russian Heraldic Pendants
Chronology of Funerary Sites on the Karelian Isthmus
Russian Costume in the West-European Engraving of 16th c.

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

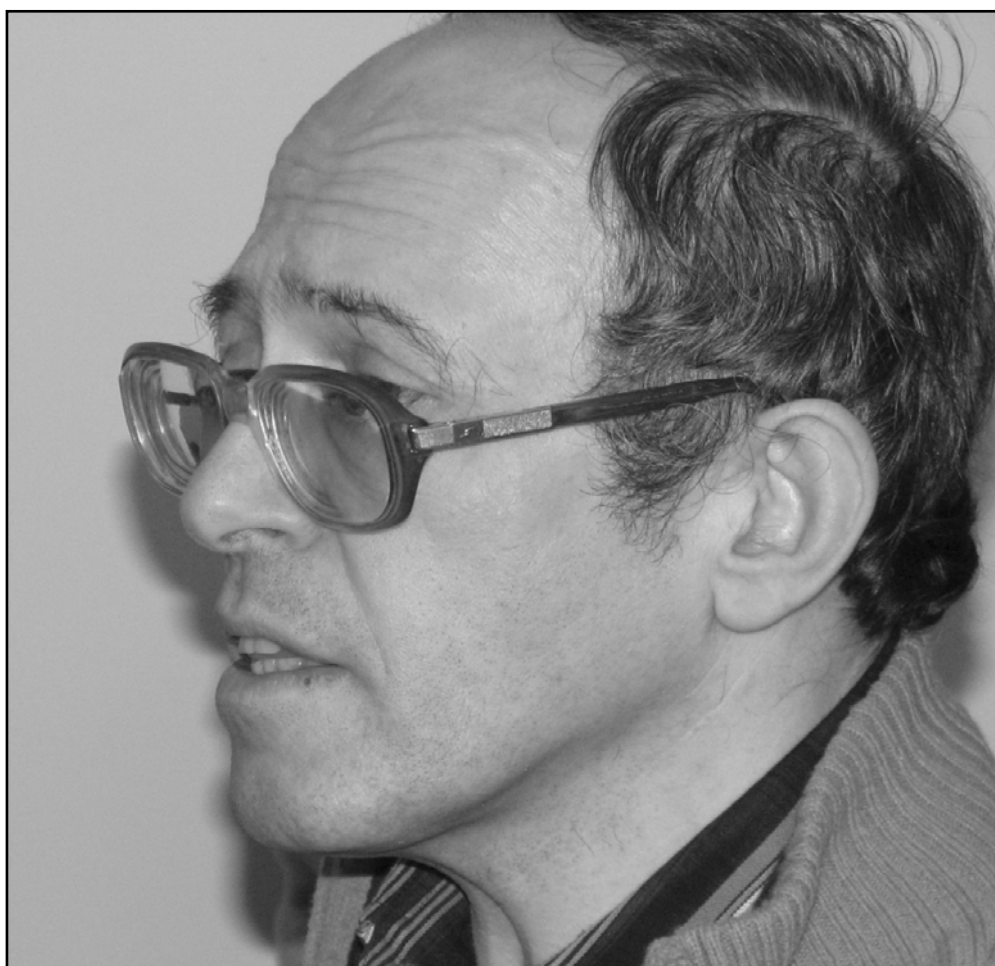
Oameni și obiecte în Vechea Rusie

Ad memoriam Yu. M. Lesman
Componentul scandinav al culturii ruse vechi
Problema varego-rusă: continuarea discuției
Locul morții kneazului Sveatoslav: ipoteze și mistificări
Rusia și contactele bizantine ale Scandinaviei
Contacte dintre balticii de vest și slavi în sec. VI—VII
Despre datarea garniturii de centură din tezaurul de la Kuzebaevo
Noi date despre originea așezării de la Ladoga
Despre statutul legal al pandantivelor heraldice vechi rusești
Cronologia complexelor funerare de pe istmul Carelia
Costumul rusec în gravurile vest-europene din sec. XVI

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2014

Светлой памяти
Юрия Михайловича Лесмана
(17.01.1954—23.02.2013)

In Remembrance of Yuri M. Lesman
În memoria lui Yuri M. Lesman

Юрий Михайлович Лесман (1954—2013)

В ночь на 23 февраля 2013 г. ушел из этой жизни Юрий Михайлович Лесман. Вечером он вернулся из Эрмитажа домой, поужинал, прилег. И — не проснулся. Остановилось сердце. Ему только-только исполнилось 59 лет.

Юрий Михайлович (друзья и коллеги обычно называли его коротко «Лесман») родился 17 января 1954 года в Ленинграде. Интерес к археологии проявился рано: в 60-е годы Юра занимался в школьном кружке при кафедре археологии ЛГУ, читал научную литературу в библиотеке ЛОИА (ныне — ИИМК РАН), прогуливал уроки в школе ради участия в археологических конференциях, ездил в экспедиции, посещал Славяно-варяжский семинар кафедры. Уже в те годы проявилась ярко выраженная способность к научному творчеству. В конце 60-х, еще школьником Юра составил картотеку древнерусских курганов Верхневолжья, и по материалам этой картотеки он не только написал одну из своих первых статей, но в дальнейшем пользовался этой картотекой на протяжении десятилетий, постоянно пополняя ее сведениями о вновь раскопанных погребениях.

Очевидно, что после окончания школы прямой путь был на кафедру археологии. Но приснопамятный *пятый пункт* закрывал дорогу на «идеологический» исторический факультет ЛГУ. Лесман подал документы в Ленинградский государственный политехнический институт. Однако все годы учебы в Политехе он полулегально посещал занятия на кафедре археологии, так что к моменту получения диплома им был неофициально прослушан также полный курс истфака. Именно в студенческие годы у Лесмана сформировался интерес к материальной культуре средневековой Руси и проблемам хронологии древнерусских вещей (прежде всего — украшений) — тем самым темам, которые в дальнейшем станут основными в научном творчестве Лесмана.

После окончания Политехнического института (1977) Лесман несколько лет работал по распределению в вычислительном центре Центрального котлотурбинного института. При этом он продолжал активно заниматься археологией — проводил разведки и раскопки в Ленинградской и Калининской (ныне —

Тверской) областях, участвовал в конференциях, публиковал первые статьи.

Новый этап наступил в 1981 г., когда Лесман пришел в Эрмитаж. Вначале это был Отдел музейной информатики, а с 1997 г. — отдел архитектурной археологии. И уже первые эрмитажные годы стали в научном отношении очень плодотворными. Конечно, работа над созданием музейной базы данных Эрмитажа отвлекала от собственно археологии. Но — не так сильно, как котлы и турбины. Теперь удавалось совмещать служебные обязанности с систематическим изучением археологических коллекций, благо многие из этих коллекций хранились в помещениях Эрмитажа, и до них не надо было добираться через весь город. Наконец, появилась возможность вплотную заняться любимой темой — древнерусской хронологией. Именно в начале 80-х вышли первые статьи Лесмана, посвященные проблемам хронологии.

В середине 80-х годов Лесман был принят в соискатели на кафедру археологии Ленинградского университета. Но истфакское руководство, фактически, не допустило его к кандидатским экзаменам, открытым текстом указав на *неподходящую фамилию*. В сложившейся ситуации Юру поддержали коллеги из Новгородской экспедиции. В 1986 г. он стал соискателем на кафедре археологии Московского университета (научный руководитель В.Л. Янин) и в 1988 г. блестяще защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)». К этому времени многие археологи-русисты уже приняли «хронологию Лесмана», а статья «Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации)» (1984) надолго стала одной из самых цитируемых работ в отечественной археологической медиэвистике.

В девяностые и нулевые годы научная деятельность Лесмана достигает своего пика. Появилась возможность ездить в научные командировки — в Москву, Новгород, Псков, на Украину и в Белоруссию, в Швецию, Германию и Англию. Он — постоянный участник представительных конференций, семина-

ров и коллоквиумов. Из печати одна за другой выходят статьи, посвященные как традиционным для отечественной науки темам (славянский этногенез; хозяйство, расселение и погребальный обряд славян и их соседей; информативные возможности культурного слоя; североевропейские традиции в материальной культуре Древней Руси), так и проблемам экзотическим (средневековая эротика). Но центральной темой остается хронология древностей средневековой Руси, прежде всего — украшений. Лесман продолжает совершенствовать методику датирования предметов и комплексов, применяет полученные результаты для проверки хронологии новооткрытых и хрестоматийных памятников. На протяжении четверти века он является ведущим специалистом в изучении древнерусской хронологии: многочисленные ссылки на «устные консультации Ю. М. Лесмана» в работах коллег говорят сами за себя. Все ждут от Лесмана докторской защиты и издания монографии, посвященной хронологии ювелирных изделий средневекового Новгорода. Однако и защита, и завершение книги все время откладываются. Лесман не признает формулу «лучшее враг хорошего»: он продолжает постоянно совершенствовать рукопись и никак не может поставить точку. Кроме того, много времени отнимают проблемы, напрямую с докторской не связанные — раскопки памятников нового времени в Петербурге, градозащитная и общественно-политическая деятельность, преподавание на кафедре музееведения философского факультета СПбГУ и на кафедре урбанистики и городской среды СПбГАСУ.

Интерес к археологическому изучению памятников нового времени появился у Лесмана еще в студенческие годы. Но в систематическом изучении памятников XVIII—XIX вв. сам он принял участие только в нулевые годы, когда во дворах Эрмитажа и на Дворцовой площади Санкт-Петербурга проводились работы по прокладке новых коммуникаций. Результатом этих работ стало не только открытие следов застройки берега Невы в XVIII в., но и новые данные по истории строительства Зимнего дворца и Нового Эрмитажа.

В те же годы началась и активная градозащитная деятельность Лесмана. Он был среди тех, кто требовал пересмотреть проект магазина «Стокманн» на углу Невского и Знаменской (ныне ул. Восстания), защищал остров Новая Голландия, в раскопках которого принимал участие, боролся против строительства на Охте газпромовской башни и за сохранение остатков крепостей XIII—XVII вв.

на Охтинском мысу. При этом роль Лесмана не сводилась к участию в митингах протеста и подписанию коллективных писем в защиту памятников. Вместе с коллегами он принимал участие в составлении экспертных заключений для судебных процессов, проводил тщательное текстологическое изучение т.н. «экспертиз», составлявшихся нанятыми Газпромом «экспертами», и блистательно продемонстрировал их полную несостоятельность.

Еще больше времени в 90-е и нулевые годы занимала активная общественно-политическая деятельность. В 89-м он принимал активное участие в агиткампании Г. С. Лебедева, баллотировавшегося в Ленсовет. В дни путча в августе 91-го Лесман вместе с женой, И. А. Левинской, дежурили у стен Мариинского дворца в Петербурге, в котором размещалось Петербургское законодательное собрание. А начиная с рубежа 80—90-х годов, когда среди прочих политических партий и движений резко активизировались разного толка национал-экстремисты, Лесман начал методично фиксировать процесс зарождения в Питере фашизма — он бывал на митингах националистов, практически ежедневно просматривал националистические газеты и брошюры на лотках вдоль заклеенного агитматериалами деревянного забора у Гостиного двора (в Питерской микротопонимике 90-х — «стена плача»), регулярно обходил центр Санкт-Петербурга и отклеивал со стен и водосточных труб самодельные листовки. В результате за десятилетие целенаправленных поисков был собран уникальный архив, насчитывавший несколько тысяч единиц хранения (в начале нулевых передан в Музей политической истории России). Другим результатом стали статьи в антифашистском журнале «Барьер» (который в 90-е годы Лесман издавал вместе с друзьями), а также неоднократное проведение экспертиз в рамках уголовных дел в отношении национал-экстремистских группировок (к экспертной деятельности Лесман и Левинская активно подключились после убийства неонацистами в 2004 г. этнографа, антифашиста и правозащитника Н. М. Гиренко). А на последних президентских выборах в 2012 г. Лесман и Левинская были наблюдателями на одном из участков в Московском районе Санкт-Петербурга, где зафиксировали фальсификации при подсчете голосов и по этим фактам написали заявления в Следственный комитет и прокуратуру.

Лесман был человеком яркого критичного ума, редкой доброты и большого мужества. После него остались не только полто-

ры сотни опубликованных работ, два десятка статей, в разной степени подготовленных к печати, и практически завершенная монография. Осталась любимая и любящая жена,

остались друзья и ученики. Осталась память об удивительно добром человеке, талантливом ученом, нестигаемом борце с подлостью и несправедливостью.

С. В. Белецкий

Слово о друге

В первый раз я увидела Юру Лесмана в университете осенью 1974 года. Шло очередное заседание Славяно-варяжского семинара. Помню, Юра докладывал о своей разведке по Ижорскому плато. Меня удивило, что третьекурсник, студент Политехнического института уже имеет собственный Открытый лист. Я была моложе его лишь на год-полтора и училась на кафедре археологии. Но проводить в одиночку самостоятельные работы в поле — это казалось мне чем-то из области фантазий.

Той осенью мне едва исполнилось восемнадцать. Многие коллеги-однокурсники были заметно старше и меня, и Юры. Зато Юрин «послужной список» выглядел куда внушительнее, чем у любого из них. Круг его интересов определился очень рано. В школьный кружок при кафедре археологии ЛГУ он пришел восьмиклассником, на рубеже 1970-х. И фактически на школьной скамье сумел включить-ся в «большую науку».

Конечно, тут сказалось влияние неповторимого момента. В те годы славяно-варяжский семинар, созданный Л. С. Клейном, переживал расцвет. Старшее поколение его участников с невероятной быстротой взрослело — в полной уверенности, что именно ему суждено сказать новое слово и в славяно-русской, и в норманнской проблематике. Юра, попавший в орбиту семинара зеленым юнцом, старшеклассником, вырос и сформировался в атмосфере свежей, бьющей через край научной мысли. Она непрерывно подогревалась притоком новых материалов и идей, неформальным общением и отчетливым сознанием принадлежности к особой «ленинградской школе». Юра стал самым младшим, но полноправным членом этого сообщества.

Наши «шефы» на кафедре были для него просто «Глеб», «Василий», «Игорь». Помню, вначале это меня удивляло. Но иначе и быть не могло. Он стал связующим звеном между двумя субгенерациями археологов — нами и нашими молодыми учителями.

В свои юные годы Юра выглядел очень взрослым. Это отчетливо ощущалось в срав-

нении со сверстниками, а позднее и со старшими. Увы, очень многим (хотя, конечно, не всем) представителям поколения «шестидесятников» в археологии оказался присущ неистребимый инфантилизм. Проявилось это несколько позднее — в неумении «держать удар» и неустойчивости перед соблазном зеленого змия. Зато Юрина способность держать удар оказалась фантастической.

Возможно, его ранняя взрослость была результатом нелегкого, совсем не безоблачного детства. Впоследствии я узнала: его мама погибла от несчастного случая, когда Юра только-только пошел в школу. Вырастила его бабушка, которую он нежно любил. Конечно, отец помогал им. Но у отца была другая семья. Так что «единственным мужчиной в доме» Юре пришлось стать с очень раннего возраста.

Отличительными чертами его характера были удивительная собранность, подчеркнутая объективность и спокойная доброжелательность. И самое главное: Юрий Михайлович не только способен был *видеть* окружающий мир «таким, как он есть», он умел *любить* его таким, как есть. Это редкостное качество стало первым залогом нашей юношеской дружбы.

У молодых гуманитариев тогда имелась хорошо освоенная «экологическая ниша» — уход в науку, в ее наименее политизированные области. Одной из таких областей была археология. Материальных благ этот путь не сулил, скорее наоборот. Поэтому в нашей среде научный поиск и результат изначально воспринимались как цель, а не как средство разбогатеть. Или — или. Наука или торговля. Наука или чиновничья карьера. Наука или деньги... Таков был главный «культурный выбор», стоявший перед каждым из нас. Юра Лесман сделал его очень рано и без колебаний — в пользу науки.

Но попасть в ленинградскую археологическую корпорацию можно было только через университет, через кафедру археологии. Поступить туда, пробив заслоны советского «блата», было вообще нелегко, а для Юры Лесмана задача еще осложнялась из-за «пя-

того пункта». Помню, как Юра с удивительным спокойствием и юмором повествовал мне о своей неудачной попытке войти в археологию с парадного подъезда. Благодаря занятиям в семинаре, участию в экспедициях и живому общению со специалистами, он, конечно, имел прекрасную подготовку. Он должен был поступить в ЛГУ — но не поступил. После чего не стал прошибать стену лбом и подал документы в Политехнический институт. В отличие от истфака, этот вуз не считался «идеологическим», и его приняли.

У нас с ним периодически возникали разговоры на эту тему — в связи как с университетом, так и с его будущим трудоустройством по специальности. Предвидя новые препоны, я возмущалась, а Юра — этот неповторимый Юра — неизменно рассудительно, философски меня увещевал. «Ты не понимаешь! — слышу я, как сейчас, его особенные интонации. — Ведь начальник в таких случаях ручается за человека, рассчитывает на него. А человек вдруг возьмет — и уедет. Начальника на ковер...»

Сам он никуда уезжать не собирался. Я ощущала полное единомыслие с ним, когда речь заходила о России, об ее проблемах и болевых точках. Эти проблемы были общими для нас. Даже не приходило в голову просто сбросить их с себя, поменяв гражданство. Впрочем, Юра не осуждал уезжавших. Он вообще не имел привычки кого-то осуждать.

Как его хватало на то, чтобы вполне прилично успевать в Политехническом и одновременно посещать вечерние занятия по специальности на кафедре археологии, я удивляюсь до сих пор. В этой связи, пожалуй, стоит помянуть добром наши тогдашние порядки. Ведь никому из преподавателей даже в голову не могло прийти не допустить Юру Лесмана (формально — совершенно постороннего человека) к своим занятиям на факультете. Никаких бумаг с просьбами о допуске он не писал, да ни одно официальное лицо и не поставило бы на них своей визы! Но научно-преподавательская корпорация тех лет, где только могла, прекрасно обходилась без официальных разрешений. Все просто знали, что на кафедре есть студенты-дневники, есть студенты-вечерники и... есть Юра Лесман. Так он умудрился, наперекор всему, за несколько лет прослушать и освоить полный вузовский курс археологических специальных дисциплин.

Как сейчас помню: его невысокая коренастая фигурка проскальзывает в двери кафедры во время какого-то спецсеминара (разу-

меется, с опозданием!). В руках — неизменный огромный портфель. Вот он на цыпочках осторожно пробирается к ближайшему свободному месту... Вообще лесмановские опоздания вошли в легенды, в былинные стилизации: «а муж лукав Юрий Лесман, *опять опозда*, нача речи хитростные сказывати...» и т. д.

Слишком напряженным было его расписание, слишком многое он должен был успевать и совмещать в своей жизни, поэтому опаздывал феерически — то на час, а то и на несколько суток. Помню случай, когда на ВАСКе в Москве (в 1977 или 1978 г.) я два дня повторяла коллегам, что будет интересный доклад Юры Лесмана, что он появится с минуты на минуту. Под конец, отчаявшись, уже сама постаралась пересказать, в меру сил, содержание Юриного доклада. И тогда... тогда дверь отворилась, и перед нами материализовался Лесман с большим портфелем в руках.

И в студенческие годы, и позднее мы много общались с Юрой на самых разных «площадках». С 1976 г. регулярные встречи начались в рукописном архиве ЛОИА. В те времена студенты-археологи рано определялись с областью интересов, с конкретным материалом, который нужно было самостоятельно проработать. Начиная с третьего курса, я зачастила в архив, занявшись составлением картотеки памятников верхнего Полужья. Юра, помнится, проводил аналогичную работу по памятникам Тверской губернии и по смежному с моей «вотчиной» району течения р. Оредеж.

Времени у него было катастрофически мало. Поэтому его появления в читальном зале почти всегда бывали очень поздними — обычно за час, а то и за полчаса до закрытия архива, когда его работники уже поглядывали на часы. Разумеется, никаких копировальных аппаратов в нашем распоряжении не было. Все требовалось переписывать от руки и рисунки переводить на кальку тоже вручную.

Каким образом, работая вот так, урывками, Юра умудрился составить свои огромные, исчерпывающие картотеки памятников, напоминавшие чем-то спицынские «корочки», остается лишь поражаться. Однако в конце 1970-х эти картотеки у него уже были.

Разумеется, при каждом удобном и неудобном случае мы с ним бессовестно злоупотребляли долготерпением «дам» — заведующей рукописным архивом ЛОИА К. М. Пескаревой и лаборантки Н. Ф. Красняковой. При появлении в дверях Лесмана у них вырывались невольные вздохи. Их рабочий день кончался в 18.00.

— Заканчивайте, пожалуйста!

— Да-да, сейчас...

В результате дамы уходили домой в половине седьмого, а то и позже. Но все же они уважали Лесмана и, наверное, даже любили его по-своему. Перед его «мягким напором» и вежливым нахальством они неизменно пасовали. Ему нередко удавалось вырвать себе лишние 30—40 минут для работы. Об этих подвигах он повествовал мне с гордостью: «Понимаешь, я добежал до архива только без четверти шесть, а вот это дописывал, уже стоя на одной ноге. Клавдия Михайловна в дверях стояла...». «На одной ноге» — это его выражение врезалось мне в память. Он повторял его часто — много поводов находилось.

Нам было неизменно интересно вдвоем. Роднила серьезность нашего жизненного выбора. Говорить с ним «за археологию» мне никогда не надоедало. Конечно, Юра в ту пору знал больше, чем я, а мне страстно хотелось самой знать и понимать все. Я, как губка, впитывала любую информацию, имевшую отношение к славяно-русской проблематике.

Наговорившись и разойдясь по домам, мы возобновляли прерванное общение — уже по телефону. Моя мама возмущалась: «Ну как можно сидеть на телефоне по два часа?!» Оказывалось — можно!

Помимо всего прочего, Юра представлял собой настоящий клад рассказов о деяниях Славяно-варяжского семинара 1960-х и начала 1970-х годов — времени, овеянном славой открытия Гнездовского поселения, «варяжской дискуссии» на истфаке и т.д. и т.п. Кое-что он успел увидеть своими глазами, о многом слышал из первых рук, обо всех и вся у него было свое собственное мнение. На путях познания истории отечественной археологии Юра Лесман стал в те годы моим Вергилием. Ни мне и никому другому в голову не пришло бы назвать его сплетником. Он был хранителем. Хранителем традиции и передатчиком легенды, творившейся прямо у нас на глазах. Я внимала его рассказам, развесив уши. Его объективность не вызывала сомнений.

В те годы мы с ним всегда были в курсе дел славяно-финского сектора ЛОИА: посещали заседания, слушали доклады. Но попасть в институт на работу даже не мечтали — это казалось несбыточным счастьем.

Разумеется, в 1970—1980-х гг. мы с Юрой не раз встречались и в экспедициях. В полевой археологии Лесман был сторонником самого пристального внимания к микростратиграфии. Кое-где он даже перебарщивал, требуя графически фиксировать тончайшие

различия в цвете прослоек, слагавших курганную насыпь или культурный слой поселения. Наверное, не все цветовые оттенки, подмеченные им в разрезах, действительно имели значение. Чтобы отличить чисто природные факторы от результатов деятельности человека, требовалось более основательное знакомство с геологией, химией, основами почвоведения. Юра и сам прекрасно это понимал. Его порою завышенные требования к детальности чертежей проистекали именно от боязни упустить что-то важное, не до конца понятное гуманитариям.

Так или иначе, в 1975—1976 гг. его присутствие на раскопках курганного могильника у дер. Даймище Гатчинского района, начатых Г.С. Лебедевыми и В.А. Кольчатовым, стало для меня серьезным испытанием на прочность. Юра бывал там наездами, но достаточно часто. Он рассматривал бровки курганов под разными углами, издали и вблизи, буквально обнюхивал их, чуть ли не пробовал на вкус. Он пытался уяснить, как именно происходило сооружение кургана, каковы были его последовательные этапы, имелись ли деревянные конструкции и т.п. Думаю, подобный подход он воспринял от В.А. Назаренко, к которому ездил в экспедицию еще школьником. Тот был полевиком от Бога. По целому ряду отзывов, он «видел землю» лучше, чем кто бы то ни было из их талантливой поколения.

Помню, в Даймище Глеб Сергеевич относился к Юриным изысканиям с интересом, но сам «видел землю» куда хуже своего ученика. Да и вообще он тогда понемногу отходил от полевой деятельности. С 1976 г. единственным руководителем работ в Даймище стал Володя Кольчатов, незадолго до того поступивший в аспирантуру ЛОИА. Лесмановские требования его попросту раздражали. Он вздыхал с облегчением, когда Юра уезжал. Впрочем, они оставались добрыми приятелями.

Устав пробиваться к сознанию автора раскопок, Юра обращал свою активность на меня. Разрезы в Даймище чертила я, и от меня отчасти зависело, как именно они будут выглядеть. В результате все бровки курганов разрисовывались детальнейшими кроками: Юра выделял мельчайшие прослойки и требовал, чтобы я тоже их увидела. Это не всегда бывало легко, но я очень старалась. Интуитивно я чувствовала: Юра прав в главном. Расхождения в деталях были не так уж важны. И я, действительно, училась чертить «по-лесмановски»: вглядывалась в разрез до одурения, до головной боли, пока все прослойки окончательно не начи-

нали дрожать и сливаться в одну. Это была хорошая школа. Потом у меня появились в этом деле и другие учителя, но за изначальную установку на анализ микростратиграфии я на всю жизнь благодарна Юре.

В дальнейшем, когда уже после университета мне пришлось два года сотрудничать в экспедициях с Г.Н. Прониным, ситуация почти повторилась. Жора Пронин, как и Володя Кольчатов, на дух не принимал лесмановской дотошности в деле фиксации разрезов. Этот подход он окрестил «лесманизмом». Однако бороться с ним на практике даже не пытался. Его Ильменская экспедиция ИА АН СССР работала тогда двумя отрядами, и у меня с Жорой была договоренность: в своем отряде я копаю так, как считаю нужным. Юра тогда частенько приезжал к нам в Удрай на выходные. Остаться подольше он не имел возможности, ибо, окончив Политехнический, отрабатывал по распределению в каком-то НИИ. Его рабочий график был жестким. С Жорой они иногда сталкивались и, конечно, дискутировали, но не ссорились. С Юрой невозможно было поссориться, если сам он этого не хотел.

Жорино словечко «лесманизм» мне понравилось. Копая в 1980 г. могильник культуры длинных курганов у дер. Угол (на северо-востоке Новгородчины), мы нарочно к приезду Г.Н. Пронина повесили большой плакат: «Вперед, к победе лесманизма!!!» Потом вся экспедиция хохотала над тем, как Жора этот плакат сорвал... Но Галя Массалитина (впоследствии — сотрудник ИА РАН, специалист по мощинской культуре), которая в 1980 г. работала чертежницей в моем отряде, все Юрины наставления восприняла с лету и потом перенесла этот опыт уже на проницкий раскоп.

Сам Юра в те времена много занимался разведками, нередко — в одиночку. И любил рассказывать, как его не раз принимали за шпиона. Очкастый, с фотоаппаратом, с полевой сумкой, вдобавок вынюхивает все — ну, вылитый агент из шпионских книжонок дешевой серии. Лесмана «арестовывали», возили в сельсовет, устанавливали личность. Потом, правда, отпускали без особых проблем.

Работая с Юрой в Торопце в 1978 г., я стала свидетелем его контактов со строителями газопровода «Дружба» и... с местной прокуратурой. Во всех этих случаях, на моей памяти, Юре не изменяло его несокрушимое спокойствие.

Работы по строительству газопровода производились в те времена совсем без учета на-

личия археологических объектов на трассе. Во всяком случае, в Калининской области было именно так. Конечно, закон об охране памятников, худо-бедно, существовал. Но закон еще надо было уметь применить. Требовались люди — по-настоящему равнодушные и готовые тратить на это свое время и нервы.

В Торопце мы жили в местной школе-интернате. На раскоп ходили пешком, довольно далеко. Как-то раз, увидев на улице рабочих в форме строителей газопровода, Лесман обратился к ним с вопросом, где найти их начальника. Участок трассы там строили поляки. Получив ответ, наша потрепанная команда потянулась дальше, нагруженная рейками, лопатами, планшетами, фотоаппаратами и прочими раскопными принадлежностями. Уже пройдя метров 200, мы вдруг услышали за собой крики. Зрелище оказалось занятное: за нами вслед бежали, махая руками, двое представительных, хорошо одетых мужчин. Добежав и слегка отдышавшись, первый из них обратился к нам по-русски с легким акцентом:

— Вы начальника «Дружбы» хотели видеть?.. Я начальник!

Мы ошолбенели. По нашим представлениям, инженер, руководивший строительством участка международного газопровода, занимал должность, примерно адекватную директору завода. Но ни разу не доводилось видеть, чтобы советский директор вот так погнался по улице за группой интеллигентных оборванцев, чтобы узнать, на кой ляд он им понадобился?

Юра объяснил поляку, что он археолог и хочет выяснить, не попали ли в зону строительства какие-то памятники археологии. Это вызвало у того весьма живую реакцию:

— Вот-вот! Я видел курганы! Я сообщил!.. Но меня почему-то никто не стал слушать!..

В общем, взаимопонимание возникло мгновенно. В дальнейшем поляки, действительно, прислали за Юрой машину и провезли его по всему участку трассы. Обнаруженные памятники ему удалось зафиксировать и передать материалы в местную инспекцию по охране. Что случилось с этими памятниками дальше, я не знаю. Сам Юра копать их не мог: все полевые работы производились им только в отпуске. А отпуск уже заканчивался.

Работая в Торопце, я пришла к убеждению: Юра начальником быть не может. Он способен руководить только коллективом единомышленников, а командовать умеет исключительно самим собой. Быть может, потом, спустя много лет, что-то изменилось? Не знаю,

может, и так. В 2000-х Юрий Михайлович руководил раскопками в городе, в частности, во дворе Эрмитажа. Наблюдать это вблизи мне уже не пришлось. Но то было совсем другое время и другая обстановка. На этих раскопках люди получали деньги, а по вечерам уходили домой. Отношения руководителя и группы строились совершенно иначе. А по 1978 г. мне запомнилось: даже вполне приличные ребята у Лесмана в экспедиции распускались до безобразия. Под конец дошло до того, что каждый делал, что Бог на душу положит, и на работу являлся, когда хотел. Юра не мог или не желал одернуть разгильдяев. Он оставался все таким же спокойным, доброжелательным и, словно всерьез, верил разным отговоркам. Ему проще было сделать все самому, чем заставлять работать других.

Совсем другая атмосфера царил в его разведках, где собирались действительно единомышленники. Тут никого не надо было заставлять. Мы с Юрой не раз ездили в разведки вместе — благо оба занимались Северо-Западом, и наши памятники были совсем близко. Особенно запомнилась мне разведка по берегам р. Оредеж в 1979 или 1980 г. Мы поехали втроем — Юра, я и Костя Чугунов — ныне известный археолог, сотрудник Эрмитажа, а тогда первокурсник кафедры археологии.

Помню, в той разведке мы собрали великолепную подъемку на селище у дер. Заполье (на Оредеже), а Костя на обратном пути тащил в рюкзаке целехонький каменный крест — небольшой, но весьма увесистый.

Способность Лесмана заводить разговор «за археологию» в любом месте и в любое время, вкупе с его вечной занятостью и «занудством» (которое он сам охотно признавал за собой!), быть может, оставляли у кого-то впечатление односторонности, узости интересов. Но это было не так. Юрина широкая образованность в самых разных областях мне хорошо известна. Помню: в дни нашей юности мы радостно делились друг с другом большими и маленькими открытиями — в литературе, поэзии, отечественной истории, мемуаристике и т. д. Еще в школьные годы у него был накоплен по этой части немалый багаж.

В первой половине 1980-х мы с Юрой встречались особенно часто. В ту пору я много самостоятельно работала в поле, а в 1984 г., наконец, появилась возможность поступить в аспирантуру. Шаг за шагом дела с трудоустройством «образовывались».

То же самое происходило у Юры. Впоследствии я не раз замечала: многое из того, что сначала казалось нам препятстви-

ем, ненужным затруднением на пути, потом оборачивалось на пользу и ему, и мне. К примеру, полученное им техническое образование и работа в НИИ сделали его программистом еще в те времена, когда в среде гуманитариев компьютерная грамотность казалась совершеннейшей terra incognita. Персональных компьютеров в ту пору еще не было, работать приходилось на больших ЭВМ. Однако уже появились проекты, связанные с использованием компьютерных технологий в музеях, в целях учета и хранения коллекций. Именно с этой целью в 1981 г. в Эрмитаже был создан отдел музейной информатики под руководством Я. А. Шера. Яков Абрамович сразу же пригласил туда Юру, сочетавшего в одном лице специалиста по ЭВМ и профессионального археолога. К тому времени как раз закончились три года его обязательной отработки по распределению, и Лесман был свободен сменить место службы.

Конечно, отдел музейной информатики вовсе не являлся для него пределом мечтаний, он мечтал о работе с археологическими коллекциями. Так или иначе, Эрмитаж стал его судьбой — с ним оказалось связано более 30 лет жизни.

Разработки по музейной информатике, хотя и занимали Юру, в целом оставались на периферии его интересов. В первой половине 1980-х годов у Лесмана уже полным ходом шла работа, ставшая для него стержневой, а именно — разработка археологической хронологии Новгородской земли, с опорой на ярусную стратиграфию Новгорода. Поднять этот необъятный материал, по совести, способен был он один. То, что сделал, в конечном счете, Юрий Михайлович, привязав курганные древности к дендрохронологической шкале средневекового города, стало, без преувеличения, переворотом в археологических исследованиях Северо-Запада.

В дальнейшем раздавались и критические голоса: нельзя-де определять диапазон бытования типов с точностью до года — по дендродатам новгородских ярусов. Но это замечание походило на булавочный укол. Любой грамотный специалист изначально понимает, что диапазоны с точностью до года в данном случае приняты условно. А вот установленная Юрой статистика встречаемости различных форм предметов, деталей их конструкции, мотивов декора и т. п. — в каждом ярусе древнего Новгорода, вкупе с проверкой полученных данных на материалах закрытых погребальных комплексов — все это стало неоценимым вкладом в науку.

Свою кандидатскую диссертацию по хронологии Новгородской земли и Новгорода XI—XIV вв. Юрий Михайлович защитил в 1988 г. За годы, отмеренные ему с тех пор, он ушел в этой работе далеко вперед. Параллельно вел теоретические изыскания по проблемам этно- и культурогенеза, формирования древнерусской народности, сериационной хронологии как таковой, и т.д. Оставаясь кандидатом наук, он давным-давно работал на уровне доктора и профессора.

В последнее время мы встречались с Юрой не часто. «Лихие девяностые» принесли каждому свой, во многом различный духовный опыт и немалый груз обязанностей. Каждый шел по жизни своим путем, появились «точки несогласия», но все-таки редкие встречи и разговоры по-прежнему дарили радость.

Особенно памятен мне последний Юрин приезд ко мне в экспедицию на Передольский погост в 2006 г. К тому времени он уже редко выезжал в поле, но было заметно: он искренне рад вновь оказаться там. Мы вдумчиво, как в прежние времена, обсуждали стратиграфию раскопа, вели неспешные разговоры у костра. К сожалению, тот его приезд оказал-

ся очень коротким. Уже на следующий день последовал внезапный звонок: какие-то срочные дела позвали его в Петербург.

К тому времени я уже знала, что Юра серьезно болен. У него открылся диабет, он заметно исхудал, постоянно сидел на диете, глотал лекарства... Странно: в моей памяти Лесман навеки запечатлелся молодым, совершенно здоровым, бодро шагающим по проселку с огромным рюкзаком на спине. У него никогда не было ни «лишнего веса», ни «вредных привычек». Быть может, причина всех бед — непрерывные перегрузки, нервы, практически полное отсутствие отдыха?

Помню, когда-то мы щеголяли тем, что понятие «отпуск» для нас не существует. Лето проходило в экспедициях, зима в работе. Жили на пределе. А уж труды, взваленные на себя Юрой, оказывались непомерными всегда. В последние годы мало что тут изменилось, при всех его недомоганиях. Скорее — наоборот. Но... это был его собственный выбор. И Юра был счастлив, сделав его. А я склоняю голову пред памятью друга, которого всегда буду считать одним из лучших людей на нашей грешной Земле.

Н. И. Платонова

На острове Новая Голландия

В самом начале осени 2006 г. мне позвонил Юрий Михайлович: «Я сейчас работаю в Новой Голландии. Ты можешь поучаствовать?» Я, конечно, могла.

У рукотворного петербургского острова Новая Голландия — особый романтический ореол. На протяжении почти всей его истории попасть туда было непросто. Остров принадлежал военным, и на двух ведущих туда мостиках стояли караульные будки, а ворота были заперты наглухо. Только через знаменитую арку Валлен-Деламота на Мойке можно было попробовать взглянуть на жизнь таинственного острова, за темно-красные кирпичные стены флотских складов. И тут — такое предложение!

Территория острова тогда только что перешла в ведение города: в 1990-х годах с него выехал кораблестроительный институт, а в 2005 г. отдала свои здания и Ленинградская военно-морская база. После этого был проведен инвестиционно-архитектурный конкурс, на котором победил проект английского архитектора Н. Фостера. Для окончательной дора-

ботки проекта и потребовалось обследование Новой Голландии.

План застройки самого острова очень прост. В центре расположен внутренний водоем — Ковш, соединенный узкими каналами с Мойкой и Крюковым каналом. Ковш и каналы были прорыты в 1765—1767 гг. для разгрузки бревен и досок. Вдоль южной стороны острова по берегу Мойки высятся здания лесных складов из темно-красного кирпича, построенные в 1765—1788 гг. для хранения корабельного леса по методу, предложенному С. И. Чевакинским. На восточном берегу острова, вдоль Крюкова канала, такие же здания складов были выстроены военным инженером М. А. Пасыпкиным в соответствии со старым проектом позже, в 1847—1850 гг.

На западной оконечности острова, на стрелке Мойки и Адмиралтейского канала, располагался окруженный каменной оградой тюремный замок. В 1828—1829 гг. здесь по проекту архитектора А. Е. Штауберта была построена трехэтажная кольцеобразная Арестантская башня (Морская тюрьма), а во-

круг нее со временем появились дом коменданта, кузница, тюремные мастерские, кладовые, покойницкая и прочие строения.

Северную часть острова между Ковшом и Адмиралтейским каналом занимали здания ЦНИИ кораблестроения им. А. Н. Крылова, построенные в основном в XX веке и теперь снесенные.

Дотошный и аккуратный Ю. М. Лесман наложил на план острова сведения со всех ранних карт Петербурга и наметил почти полтора десятка разведочных траншей, которые должны были затронуть все сооружения на острове — существующие и утраченные.

Это была удивительная работа в необычайно романтической обстановке. На острове стояла золотая осень, в опустевших зданиях царил тишина, и каждый день приносил новые маленькие открытия. В складских зданиях и закоулках еще можно было подобрать забытые флотские вещицы, а по вечерам после работы сотрудники устремлялись искать приключений то на чердаки лесных складов, то по кладовым с брошенным ленфильмовским реквизитом, а то и на крышу Валлен-Деламотовой арки.

Под камералку, столовую и раздевалку нам достались несколько комнат (пожалуй, камер) на втором этаже Морской тюрьмы. Здесь и в траншеях по всему острову и сосредоточилась наша «голландская» жизнь.

Юрий Михайлович, как это ему свойственно, с самого начала был твердо намерен изучить и зафиксировать всё. Или даже так: изучить и зафиксировать ВСЁ. Поэтому параллельно с раскопками велась фотосъемка зданий и интерьеров, зарисовывались кирпичные клейма, зачерчивались и описывались инженерные шурфы, вырытые рабочими «Геореконструкции».

Я регулярно возмущалась: «Ну Юрий Михалыч, ну зачем мы тратим время на этот развал досок двадцатого века? Давайте уже их вынесем «на ура» и дойдем до действительно важных слоев!» Но Лесман был неумолим.

Эта неумолимость принесла свои плоды. Все строительные и хозяйственные работы XX века отразились в верхних слоях наших траншей куда точнее, чем в доступных документах. Выяснилось, что и склоны остро-

ва, и его очертания, и акватория Ковша — всё за двадцатый век изменилось. Пришлось реконструировать рельеф острова поэтапно — как важную часть проекта музеефикации.

Не обошлось и без неизбежных помоек, этих «кладов археолога». Где-то в 1920-х годах на острове провели генеральную уборку: собрали весь накопившийся хлам, скинули в большие ямы и зарыли. В этих ямах вперемежку лежали бутылки с клеймами двадцатых годов, чугунные ядра эпохи наполеоновских войн и прочий разношерстный мусор.

Тогда же или чуть позже флотское начальство, видимо, велело избавиться и от устаревшего оружия. Витя Глыбин, руководивший инженерными шурфами на острове, принес нам в камералку ржавые согнутые винтовки, брикеты боевых пружин, шомпола, магазины. Все это было найдено его рабочими, вскрывшими бетонный пол в одном из складских корпусов. Находки были пересчитаны, занесены в общую опись и упакованы вместе с остальными.

Однако на этом история с винтовками не закончилась. Уже после завершения работ, зимой, в Эрмитаж пришел сотрудник ФСБ и вежливо попросил предъявить найденное огнестрельное оружие. Посмотрел, посчитал, что-то пометил и собрался уйти. Не тут-то было! «А скажите, молодой человек! — строго сказал Юрий Михайлович. — Ваша служба вообще намерена как-то бороться с «черными археологами»? Вы вообще делаете что-нибудь?» Несчастный офицер долго еще ходил в Эрмитаж к Лесману отчитываться о проделанной работе и конспектировать указания.

Раскопки на острове продолжались до октября, а потом, уже по первым заморозкам, Юрий Михайлович еще работал на острове, ходил знакомиться с результатами бурения, осматривал шурфы внутри зданий...

Результатом работ стало подробнейшее Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия, написанное Ю. М. Лесманом. Мне хотелось бы опубликовать его здесь как образец скрупулезной работы и пример честного и ответственного отношения к делу, которое всегда отличало Юрия Михайловича.

Е. П. Михайлова

Фото 1. Ю.М. Лесман. День археолога в Новой Голландии. 2007 г. (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 1. Yu. M. Lesman. Archaeologist' day in New Holland, 2007 (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 2. На раскопках Новой Голландии в Санкт-Петербурге. 2006 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 2. At the excavation of New Holland in Saint-Petersburg, 2006 (photo by S. V. Beletsky).

Фото 3. Ю.М. Лесман фотографирует раскоп из окна Лесного склада (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 3. Yu. M. Lesman photographs the excavation from the timber yards window (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 4. Ю.М. Лесман фотографирует раскоп на Мойке (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 4. Yu. M. Lesman photographs the excavation on the Moika (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 5. Ю.М. Лесман, А. Иванова и А. Кошельков у Лесного склада на Мойке (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 5. Yu.M. Lesman, A. Ivanova, A. Koshelkov at Timber yards on the Moika (photo by E.R. Mikhaylova).

Фото 6. М. Павлова, А. Иванова, Ю.М. Лесман во дворе Арестантской башни (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 6. M. Pavlova, A. Ivanova, Yu.M. Lesman in the Courtyard of the Prisoner Tower (photo by E.R. Mikhaylova).

Фото 7. Раскопки на берегу Адмиралтейского канала (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 7. Excavations on the shore of Admiralteysky Canal (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 8. На раскопках Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. 2012 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 8. At the excavation of the Winter Palace in Saint-Petersburg, 2012 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 9. Чаепитие в Арестантской башне. Ю.М. Лесман, В. Абезгауз, А. Иванова (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 9. Tea drinking in the Prisoner Tower. Yu.M. Lesman, V. Abezgaуз, A. Ivanova (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 10. На заседании конференции памяти Г.Ф. Корзухиной в ИИМК РАН, 10.04.2006 (фото К.А. Михайлова).

Photo 10. At the Conference in G.F. Korzukhina's Memory, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. April 10, 2006 (photo by K.A. Mikhaylov).

Фото 11. Выступление на заседании в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. 2007 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 11. Presentation at a session in Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2007 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 12. На заседании в ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. 2007 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 12. At a session in Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2007 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 13. Выступление перед студентами СПбГУКИ. 2011 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 13. Presentation before students of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, 2011 (Photo by S.V. Beletsky).

Фото 14. С О.В. Шаровым и А.Н. Кирпичниковым в ИИМК РАН, Санкт-Петербург. 2005 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 14. With O.V. Sharov and A.N. Kirpichnikov in Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2005 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 15. С О.М. Иоаннисяном в Полоцке. 2012 г. (фото С.В. Тарасова).

Photo 15. With O.M. Ioannisyan in Polotsk, 2012 (photo by S.V. Tarasov).

Фото 16. С другом детства актером Алексеем Заливаловым (†2012) в «Подвале бродячей собаки» в Санкт-Петербурге. 2010 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 16. With a childhood friend, actor Alexei Zalivalov (†2012) in Art-Café «Подвал бродячей собаки» (“Stray Dog Cellar”), Saint-Petersburg, 2010 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 17. С женой И.А. Левинской в Татьянин день у С.В. Белецкого в Санкт-Петербурге. 2008 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 17. With his wife I.A. Levinskaya on Tatiana's Day at S.V. Beletsky's place in Saint-Petersburg, 2008 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 19. Дома. 2005 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 19. At Home, 2005 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 18. На выставке новых поступлений в библиотеке ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. 2012 г. (фото С.Н. Травкина).

Photo 18. At the exhibition of new deliveries in the IHMC library, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2012 (photo by S.N. Travkin).